

Диспута. Художник Рафаэль Санти. Фрагмент. 1509.

УДК 1(091)

Баткин Л.М.

«...чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь»: о Пико делла Мирандола

Баткин Леонид Михайлович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета, действительный член Американской академии по изучению Возрождения, лауреат премии по культуре Совета министров Итальянской Республики (1989)

E-mail: lbatkin@yandex.ru

Философия Джованни Пико делла Мирандола представлена в двух ее важнейших аспектах – диалогизме как стиле мышления и новой религиозности, возникшей как результат переноса гуманистического диалогического совмещения открытости истины и ее единства непосредственно в конфессиональную сферу. В статье рассматривается диалог Пико делла Мирандола и Э. Барбаро, эволюция и особенности философских взглядов Джованни Пико дается в контексте его взаимоотношений с А. Полициано и других участников Платоновской академии, с одной стороны, и Джироламо Савонаролой, с другой.

Ключевые слова: Итальянское Возрождение, гуманизм, «Речь о достоинстве человека», диалогизм, философия, словесность, идея «мира философов».

Это не очерк философии Пико в ее полном объеме. Но она взята здесь в двух важных моментах, по-моему, ключевых для ее понимания как истинно ренессансной. Речь пойдет о *специфически-гуманистическом диалогизме как стиле мышления*¹. А также об его не менее характерной и странной религиозности. Понятие «инди-

¹ Об этом см.: Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: Изд. РГГУ, 1995, глава 3. Настоящий текст опирается на прежние разрозненные наблюдения, см., в частности, в этой книге², по ней же даны цитаты, приведенные в тексте без указания источника.

видуализма» ниже будет употребляться в строго ограниченном смысле. Итальянское Возрождение начало, как известно, движение к идеям «индивидуальности» и «личности», но это идеи в их необычном новоевропейском решающем значении и осознании – удел лишь более поздних типов культуры, начиная с Просвещения (прежде всего, Жан-Жака Руссо¹ и особенно с конца XVIII – начала XIX века).

1

Джованни Пико делла Мирандола
(Giovanni Pico della Mirandola;
1463–1494)

Эрмолао Барбаро (Ermolao или
Hermolao Barbaro, лат. Hermolaus
Barbarus, 1453/1454–1493), ита-
льянский гуманист, писатель,
переводчик, дипломат

С какой горделивой и достойной скромностью, с каким обостренным личным самосознанием (чуждым, однако, того, чтобы противопоставлять себя субстанциональному или видеть в оригинальности истины что-либо, кроме выражения ее вечности), с каким бездонным честолюбием и с какой погруженностью в высшие интересы духа – короче, с каким характерно гуманистическим индивидуализмом отстаивал молодой Пико делла Мирандола в «Речи о достоинстве человека» свою знаменитую идею диспута в Риме!² Он предложил провести этот диспут вокруг сочиненных им «900 тезисов», где были сведены идеи многих авторов, а также его собственные идеи касательно всех проблем, волновавших умы тогдашних философов, теологов, астрологов и прочих, кто размышлял о Боге, человеке и природе. Как известно, Пико собирался защищать свои тезисы против всех ученых, которые пожелаю бы прибыть в Рим за счет автора.

«Некоторые не одобряют в целом такого рода диспутов и обыкновения публично обсуждать ученые вопросы, настойчиво утверждая, что это дает не столько сопоставление учености, сколько возможность покрасоваться талантом и образованностью». Другие же не одобряют «такого рода занятий» не вообще, а именно в нем, в Пико, «ибо я, в этом возрасте двадцати четырёх лет, осмеливаюсь предложить диспут в знаменитейшем городе, на обширнейшем сборище учёнейших людей, в апостолическом сенате, относительно возвышенных тайн христианской теологии, высочайших положений философии и покрытых неизвестностью учений».

Но ведь мало того что диспут для ученых – то же, что и гимнастика для тела. Он, Пико, решился на него, ибо, и проиграв, он выиграет. Когда речь идёт об истине – нет проигравших. Он искренне и по совести заявляет, что лишен чего-либо великого и исключительного и при всей страсти к учению не претендует на имя ученого и не является им. Но пусть о нем, Пико, судят не по молодым его годам, а по сути тезисов.

Это – при подобающих формулах скромности – иллюстрация к основной мысли «Речи» о возможности для каждого человека возвыситься до существа небесного, если он того пожелает. Идея диспута в контексте трактата «О достоинстве человека» неизбежно означает утверждение космического достоинства автора, и все хвалы Человеку, делающему свободный выбор и воспаряющему к Богу, с полной естественностью и уверенностью подразумеваются в замечаниях сугубо личного порядка. «Отваживаясь на такое великое предприятие, я должен или провалиться или восторжествовать, и если я восторжествую, то не вижу, почему победить на 10 тезисах похвально, а на 900 может быть поставлено в вину».

И далее следует цитата из Проперция: «...se deficient vires, audacia certe / Laus erit: in magnis et voluisse sat est» («Если сил и не хватает, то, конечно, сама смелость похвальна: в великих делах достаточно уже желания»). Этот стих был вполне в духе эпохи. Гуманисты могли бы избрать его девизом; «В нашем веке многие... не только что по девяностам вопросам, но даже по всем вопросам, какие ни на есть, привыкли предлагать диспуты, не без чести для себя».

2

Участники проходившей в середине 20 века дискуссии о «гражданском гуманизме» столкнулись с тем, что ренессансный автор бывает трудноуловим, не только когда он скрывается за диалогической литературной формой изложения.

Несколько иной, но еще более показательный пример диалогичности мышления вне рамок диалогического жанра – знаменитая полемика между Пико делла Мирандолой и Эрмолао Барбаро о философии и красноречии. Перед нами не сочиненный, а реально состоявшийся диспут – диспут в письмах, ставший одним из самых любопытных эпизодов духовной жизни конца кватроченто³.

¹ См.: Баткин Л.М. Личность и страсти Жан-Жака Руссо. М.: Изд. РГГУ, 2012.

² Pico della Mirandola G. *De hominis dignitatis. Heptaplus. De Ente et Uno*. A cura di E. Garin. Firenze, 1942, p. 132, 136, 138. Ср. с замечанием Кастильоне по поводу популярного тогда (приводимого и у Фичино) рассказа об Александре Македонском, услышавшем, что существует бесчисленное множество миров, и воскликнувшего в ответ: «А я не покорил даже одного!» Кастильоне пишет: «Но выдающимся людям поистине надлежит прощать, когда они заносятся; потому что, кто берется за великие дела, тому потребны смелость в их осуществлении и вера в себя» (Castiglione B. *Il cortegiano*. Torino, 1955, p. 113).

³ *Prosatori latini del Quattrocento*. A cura di E. Garin. Milano-Napoli, 1952, p. 804–822.

Пико получил от Барбаро письмо, в котором этот человек, изрекший «двух славлю богов, Христа и словесность», высмеивал схоластическую, «варварскую» философию. Теза высказана! Ответ Пико – с огромной силой выраженная антитеза. Письмо начинается с игры – с похвалы прекрасному стилю Барбаро. Я, пишет Пико, прочитав твое последнее послание, был поражен, устыдился и оплакал шесть лет, которые я потратил в юности на изучение этих варварских философов. Я потерял ради них лучшие годы жизни, вместо того чтобы приобрести себе некоторое имя в изящной словесности (*in bonis litteris*). Но вот что мог бы возразить в защиту своего варварства кто-либо из этих философов, если это выразить как можно менее варварски...

Дальше Пико утверждает, что нет большей разницы, чем между оратором и философом. Оратор по своей воле меняет суть, при «помощи слов, делает черное белым и белое – черным, преувеличивает и преуменьшает, ибо его цель – только убедить, поразить, увлечь слушающих («прельщая, дурачат умы слушающих» – *auditorium mentes blandiendo ludifice*). Философы же «читают в небе законы судеб, знаки событий, порядок Вселенной; читают в элементах чередование рождений и смертей, силы простых элементов и соразмерность в их смещении». У «варваров» Меркурий не на языке, а в сердце. Философу ни к чему изящество, ловкость, прельстительность: он не гистрион. Он рассчитывает не на аплодисменты толпы, а на молчаливое восхищение избранных. В высоких материях красота слога лишь вредна – недаром Святое писание изложено «скорее грубо и неуклюже, чем изящно». Вакханалии неуместны у подножия храма Весты. Здесь важно только что, а не как. Вот почему Платон хотел изгнать поэтов из города, где правят философы.

Пико возражает против примирительного мнения, что если философские рассуждения не требуют сами по себе словесных украшений, то медовое красноречие для них и не помеха, ибо облегчает восприятие. Нет, «мы стремимся не привлечь, а отпугнуть чернь». Только три вещи украшают философию: находящаяся в согласии с нею жизнь автора, истинность, скупость речи (*brevitas styli*). Философия должна предстать перед нами нагой, без ораторских покровов, «вся перед глазами» (*tota sub oculis*). Даже ясность и нормативность речи или условна, и тогда истину можно с таким же успехом, как и на классической латыни, выразить при помощи арабской, галльской, британской или «парижской» манеры изъясняться; или имена – от природы, но тогда тут судьи сами философы, а не риторы. Нет вражды языка и сердца, однако можно жить без языка, пусть плохо, но не без сердца. «Тот, кто лишен литературного изящества, – недостаточно человек; кто чужд философии – не человек» (*Non est humanus qui sit insolens politioris litteraturae; non est homo qui sit expers philosophiae*). Так, лишь под конец Пико явно смягчает позицию, говоря, что лучше верное и некрасивое, чем красивое, но неверное;

И вдруг он заявляет: «Я, конечно, не принимаю этих положений и не думаю, чтобы кто-либо из людей умных и просвещенных мог их принять. Но я охотно попробовал себя в этой опорощенной материи, уподобляясь тем, кто расхваливает лихорадку... Я, – продолжает Пико, – ведь сам из школ философов перешёл сюда [т.е. во флорентийскую гуманистическую среду – Л.Б.] и отдался изучению греческого. Но я говорю искренне то, то чувствую, потому что у меня сводит желудок от некоторых грамматиков, которые входят в раж из-за этимологии двух слов настолько, что философов не ставят ни во что. Ничего странного, что им не нужна философия». «И собаки не пьют фалернского».

На последней странице все кончается высокой игрой. Невозможно считать это заявление «всего лишь» данью уже хорошо знакомому риторическому приему, потому что, признаваясь в провоцирующем характере письма, Пико тем самым ведет себя, как и подобает участнику гуманистического спора, взявшему на себя труд развить антитезу.

Этим признанием Пико включает свое письмо в определенный стиль мышления.

Эрмолао Барбаро, вновь беря слово, подчеркивает (подобно Салютати против Никколи в диалоге Бруни), что его оппонент защищает тех, кто лишен красноречия, с удивительным красноречием. Собака защищает зайца.

Недаром письмо Пико вызвало раздражение среди схоластов. Ты так изящно защитил варваров, замечает Эрмолао, что те из них, кто немного меньше похож на осла, задвигали ушами, остальные же бегут от этой защиты, отвергают её и протестуют. Барбаро доказывает: именно потому, что философия исследует самые существенные и божественные истины, надлежит говорить прекрасным языком. Не случайно больше всего драгоценностей – в церквях... Цицерон и Аристотель не противопоставляли философию и риторику (которая – часть философии и облагораживает душу и которую незачем путать с софистикой). Они предпочитали красноречивого философа, ибо лучше владеть двумя дарами, чем одним. Ни грубость, ни чрезмерная изысканность и роскошь слога не подобают философу: нужна лишь мера во всем. Итак, защитить варварскую философию нельзя, как нельзя отбелить эфиопа. Но, конечно, ты защищал ее не всерьез... Мы могли бы назвать тебя перебежчиком, если бы ты думал так же, как пишешь. «Впрочем, ты, затягивая шутку, не перебежчик, но притворщик, так как сидишь между двух стульев (*parietes duos Unas*)».

Всерьез или не всерьез отстаивал Пико схоластику против гуманистической филологии, философию против риторики? Вопрос сформулирован недостаточно глубоко и потому не вполне корректно.

Мы должны представить себе – это может показаться слишком странным допущением лишь с первого взгляда, – что переписка Пико и Барбаро сочинена одним Пико. Словно это некий диалог, принадлежащий Пико делла Мирандола, его спор с самим собой, но экстериоризованный таким образом, что Пико защищает одну из своих позиций против Барбаро, взявшегося представлять другую позицию того же Пико. Пройдя основательную школу североитальянского аристотелизма, увлекшись затем флорентийским неоплатонизмом, успев к 1485 г. пропитаться гуманистической «словесностью», Пико, который вскоре выдвинет идею «мира философов», насквозь диалогическую в том специфическом ренессансном смысле, который я пытаюсь здесь выявить, – Пико в полемике с Барбаро искренне и всерьез отстаивает риторически развитую, завершенную в себе и поэтому заведомо одностороннюю антитезу. Несомненно, апология «чистой философии» выражала потребность в новом этапе развития Джованни Пико и ренессансной мысли в целом, стремившейся выйти из этики и филологии в теологию и онтологию, расширить и преобразовать понимание человеческого бытия, добытое первыми поколениями гуманистов, включив его в божественный макрокосм. На

этом пути нельзя было ограничиться наследием античной «словесности»: примирительный спор античности и христианства, Платона и Аристотеля, филологии и логики, этики и «физики» разгорелся внутри ренессансного сознания с небывалой интенсивностью.

И Пико беретесь отстоять схоластику, уроки которой живы в его уме. Но «преимущества философии» вовсе не исключают для него «преимуществ красноречия», которым уже пропитано его мышление: так у Ландино спорили созерцание и действие, у Поджо¹ – жажда обладания внешним и сосредоточенность на внутреннем, у Валлы² – радостное эпикурейское наслаждение и героический стоицизм. Пико отвергает тезу Барбаро лишь потому, что столь одностороннее поношение всей схоластики и возвышение риторики над философией нуждается в возражении. Однако Пико делла Мирандоле – в структуре его мысли – отвергаемая им духовная позиция в конечном счете столь же необходима, как и отстаиваемая. Это спор, в котором Барбаро – его двойник, а он, очевидно, двойник Барбаро, если учесть, что Барбаро усиленно переводил Аристотеля на изящную латынь и надеялся соединить филологический гуманизм с натурфилософией³.

Лоренцо ди Пьеро де Медичи Великолепный (Lorenzo di Piero de' Medici il Magnifico; 1449–1492)

Анджело Амброджини по прозвищу Полициано (Angelo Ambrogini detto Poliziano; 1454–1494), итальянский гуманист, поэт, и драматург, профессор греческой и латинской литературы во Флорентийском университете

Конечно, Барбаро, приравнявший словесность к Христу, не случайно оказался автором тезы в этом диалоге, где Пико столь же не случайно взялся ему противоречить. Но это подлинно гуманистический диалог, который провоцирует и резко сталкивает втайне готовые к примирению истины. Напрасно П. Кристеллер считал высказанное в конце письма Пико несогласие с самим собой, как и ответный ход Барбаро, учтившего Пико в двойственности и притворстве, всего лишь внешними уловками. Ритуал беседы соответствовал диалектике гуманистической мысли, и Пико, сознаваясь в самопровокации, делал то же самое, что Никколи⁴ у Бруни⁵ или Лоренцо у Ландино⁶.

Но где же синтез? В других сочинениях Джованни Пико. В письме к Лоренцо Медичи, написанном всего годом ранее, Пико расхваливает Лоренцо за то, что тот сумел превзойти и Данте, и Петрарку, избежав их недостатков и соединив их достоинства. Петрарке не хватает философской глубины, возвышенности содержания, Данте же – красоты и отточенности формы. «У тебя же все слова необходимы по смыслу не менее, чем уместны по красоте...» Петрарка чересчур изыскан и красноречив, он многое обещает, но затем разочаровывает. Данте же в соответствии со своим веком «в том, что касается стиля», «неприятен, резок и сух, ибо слишком груб и неотесан». Конечно; отталкивая при первом знакомстве, Данте затем убеждает глубокомыслием, но тут нет его заслуги, он пересказывает Августина и Аквината, философичность сама по себе придает ему силу.

Не будем обманываться изощренным звучанием и ритмом стихов Петрарки, посмотрим, что под ними, в корнях, в основаниях слов. Но у Лоренцо красноречие (*dicendi gratia*) – блеск выражений, их расположение, связь, cadencies – заслуживает самой высокой похвалы, будучи соединено с глубиной. Именно стилистическое великолепие возвышает Лоренцо над Данте, который всем был обязан своему материалу, а Лоренцо облагораживает любой материал благодаря поэтическому таланту. «В твоих стихах серьезность философской мысли смешана с забавами влюбленных, она придает им достоинство, а они ей – привлекательность и изящество»⁷.

Таков третий голос в диалоге, и это тоже голос Джованни Пико.

Современников – не только Барбаро – не вела в заблуждение энергия, с которой Пико отстаивал преимущества «варварской философии» по сравнению с классической словесностью, они, не сговариваясь, видели в Пико человека, который желал и умел соединить одно с другим⁸.

Ближайшим другом Пико был Анджело Полициано, самый утонченный и законченный гуманист «филологического» склада, какого только можно вообразить. Когда Полициано умер, Пико с болью воздал ему должное именно как «мужу, наиболее выдающемуся в словесности среди всех наших современников».

¹ Джанфранческо Поджо Браччолини, Поджо Флорентийский (Gianfrancesco Poggio Bracciolini; 1380–1459) – итальянский гуманист, писатель, собиратель античных рукописей. (Прим. ред.).

² Лоренцо Валла (Lorenzo Valla, 1407–1457) – итальянский гуманист, родоначальник историко-филологической критики. (Прим. ред.).

³ Garin E. *L'umanesimo italiano*. Bari, 1962, p. 87.

⁴ Никколи Никколо (Niccoli Niccolo, ок. 1365–1437) – один из зачинателей гуманистического движения во Флоренции. Собрал богатейшую коллекцию памятников античного искусства, монет; его богатейшая библиотека, включавшая до 800 рукописей, главным образом произведений древних авторов, перейдя впоследствии в руки рода Медичи, составила основу публичной библиотеки Медичи во Флоренции «Медичеа-Лауренциана» (Medicea-Laurenziana). (Прим. ред.).

⁵ Бруни Леонардо (Bruni Leonardo, 1370 или 1374–1444) – итальянский гуманист, писатель и историк, с 1427 до конца жизни канцлер Флорентийской республики. (Прим. ред.).

⁶ Ландино Кристофоро (Cristoforo Landino; 1424–1498) – итальянский гуманист, писатель, филолог, комментатор Овидия, Вергилия, Данте, один из наиболее видных членов Платоновской академии, (Прим. ред.).

⁷ *Prosatori latini...*, p. 796–800 etc.

⁸ Pico della Mirandola G. *Opera omnia*. Basiliae, 1557, p. 393, 401.

Духовные же устремления этих двух людей были кардинально различны. Их близость поверх любых различий, в лоне общей для них культуры, однако, не покажется удивительной, если вспомнить, сколько у Пико — особенно в «Комментарии» к канцоне Бенивьени и в «Речи» — можно найти от Полициано и сколько у Полициано — особенно в «Ламиях» — от Пико.

Полициано всем пафосом своего творчества был (как и Барбаро) полярен Пико, но тем самым и близок, потому что Полициано — это перевернутый Пико, т.е. не философ, спорящий со своей потребностью в словесности, а великий мэтр словесности, спорящий со своей тягой к философии. «Ведь тот, кто не философствует, тот не живет в ладу с душевной добродетелью... Мне кажется к тому же, что тот, кто не хочет философствовать, тот не хочет быть счастливым». Конечно, «труд философствования» (*philosophari labor*) нелегко, однако смешны люди, готовые ради наживы плыть за Геркулесовы столпы или в Индию, но ради философии ленившиеся бодрствовать зимней ночью.

Но ведь ты, Полициано, говорят ему фантастические существа (Ламии), грамматик, писатель, а не философ. Да, соглашается Полициано, я не философ, для меня тщетно было бы претендовать на это звание, и я его предоставляю другим, хотя и перевожу труды философов («Ламии» — введение к переводу первой «Аналитики» Аристотеля). Но автору трудно признать, что «в его сочинениях и речах даже и не пахнет философией».

Он вправе ссылаться на философов, ибо, во-первых, «философ по природе своей любит мифы и изучает поэтические вымыслы (*philosophus natura philomythos, id est fabulae studiosus est*)». С другой стороны, к «грамматике» относятся любого рода сочинения, ее ведению подлежат все, кто рассуждает и излагает, — поэты, историки, ораторы, философы, врачи, юристы.

В древности грамматиков почитали как судей над писателями, мы же низвели это звание до пустой и мелочной забавы или до обучения детей азбуке. «Прозывайте же меня или грамматиком, или, если угодно, философствующим, или кем-то в этом роде». Хорошо, отвечают Ламии, будем называть тебя грамматиком¹.

Полициано желал включить философию в гуманистическую словесность, желал видеть словесность философской; Пико стремился включить словесность в философию, сделать философию гуманистической. Они выражали противоположные, но взаимодополняющие подходы².

Сам Полициано хорошо передал это ощущение единства в многообразии, когда в письме к Фичино, отстаивая свое право заниматься не чистой философией, а словесностью, «которая не менее привлекательна, даже если она и менее авторитетна», заметил: мы все, т.е. Фичино, Пико и он, Полициано, дружны между собой не только в жизни, но и в науке, мы честно и мужественно предаемся, побуждаемые бескорыстной любовью, неустанным ученым занятиям, «однако так распределив между нами обязанности, дабы никоим образом не была заброшена ни одна из областей знания»³.

Переписка Пико с Барбаро иначе выглядит в мягком освещении этой примирительной мудрости. Нельзя только забывать, что конечное согласие между Пико и Барбаро было возможно лишь в форме противопоставления обособившихся точек зрения, каждая из которых должна быть страстно и решительно доведена до конца, и лишь тогда, и лишь тогда разные толкования истины начинают нуждаться друг в друге, в самой своей односторонности черпая возможность синтеза, «мира философов», а в синтезе, в вечности, в Боге находя оправдание раздельному существованию несходных проявлений истины и бытия. Благочестивое святотатство, — то возникает вопрос, какой же культ он приемлет в качестве более истинного, чем другие, или единственно истинного⁴. У Фичино ответ, разумеется, предreshен, но любопытен способ доказательства преимуществ христианства. Прежде всего Фичино задается вопросом, почему Священное Писание победило в человеческих умах гораздо более ученую и тонкую античную философию, что, по мнению Фичино, «чудесней любого иного чуда Христа». Он ищет объяснение исключительно в форме выражения истины.

В книгах евангелистов и в апостольских посланиях «проявляется некая необычная сила, исключительная простота и безыскусственность, и жар, значительность, глубина, и неопиcуемая торжественность». Все другие писатели «сомневаются и колеблются» — и только авторы Нового Завета говорят «с огромной уверенностью

Марсилио Фичино (Marsilio Ficino, lat. Marsilius Ficinus; 1433–1499), один из ведущих мыслителей раннего Возрождения, наиболее значительный представитель флорентийского платонизма, основатель и глава Платоновской академии

¹ Poliziano A. *Opera*. Basilae, 1553, p. 451–461.

² Ibid.

³ Ficino M. *Della religione Christiana*. Fiorenza, 1568, cap. 4, p.17. Очень поучительно сравнить фичиновское понимание соотношения античности и христианства с главой «Почему язычники могли быть теологами» из Боккаччовой «Генеалогии богов» (см. Boccaccio G. *Genealogia de gli Dei*. Venezia, 1585, lib. XY, p. 258a). Боккаччо, как и все раннее Возрождение, отстаивает самостоятельное значение античности в области светского знания. Язычники были «теологами». Языческая теология дана в мифах, физике, гражданском праве, в отличие от христианской «святой теологии». Это только первый шаг к фичиновскому уравниванию Христа и Платона. Но далее Боккаччо пишет (и сразу видно, что Фичино развил до конца логическую посылку, содержащуюся уже в самых первых ренессансных раздумьях): «Разве мы не называем смертными людьми всех, о ком нам известно, что они образованы из разумной души и тела? Между тем, разве дело не обстоит так, что одни из них — язычники, другие — израильтяне, еще другие — агаряне, и еще другие — христиане, а притом некоторые столь дурных нравов, что их следовало бы держать не за людей, а за зверей? И тем не менее, называя их одним именем, т.е. людьми, мы знаем, что не наносим никакой обиды нашему Христу-Спасителю, который, как известно, был не только Богом, но и настоящим человеком».

⁴ Ficino M. *Della religione Christiana*, 8, p. 36–37, 45–46.

(con tanta certezza)». То есть учение Христа, так сказать, обладало харизматической силой, оно доказало, что «истина не нуждается в словесном лоске», оно противопоставило учености и рефлексии страстную экзистенциальную позицию, чудеса и моральную высоту первых христиан. Таково христианство по отношению к античности, но при сопоставлении с исламом и иудаизмом оно, как получается у Фичино, выступает примерно в том же качестве, что античность по отношению к христианству. То, что было сочтено слабостью античности, теперь выглядит достоинством христианства, и то, что было провозглашено достоинством христианства – непрекращаемый, первозданный, не ведающий сомнений напор, – будучи доведенным до крайности, становится слабостью других религий. Христианство «не требует, чтобы противники веры были истреблены (как этого требуют Талмуд и Коран), но желает, чтобы им была показана истина, или чтоб за них молились, или чтобы они были терпеливо обращены (*patientemente sopportati*)» – примером, а не силой¹.

Так гуманистическое диалогическое совмещение открытости истины и ее единства переносится непосредственно в конфессиональную сферу; христианская убежденность теряет догматический характер и совмещается с признанием естественности религиозно-философского плюрализма; впервые проступают контуры будущей новоевропейской терпимости в делах разума и совести. До этого будущего, впрочем, еще очень далеко, XVI век будет залит кровью религиозных войн, Реформации и Контрреформации, но в начальные десятилетия этого века Ариосто воспоет своих славных рыцарей, христиан и сарацинов, «которые были соперниками, были разной веры ... и все-таки они едут вместе темными лесами и глухими тропами, противники, доверяющие друг другу»².

И из Франции откликнется голос Ронсара: «О Боже, общий отец евреев и христиан, турок и каждого; ты, вскармливающий своей доступной всем благодатью одинаково хорошо и тех, кто у антарктического полюса, и тех, кто у полюса арктического; ты, дарующий и разум, и жизнь, и движение, невзирая на лица, всем поровну»³. Этому миропониманию, зародившемуся в ренессансных головах, предстояли горькие и сокрушительные испытания, но оно, по крайней мере, уже никогда не будет забыто европейской культурой.

3

Последний пример, который я хотел бы избрать в связи с разбираемой темой – религиозность Джованни Пико делла Мирандолы. Пример этот поучителен именно потому, что Пико в истории кватрочентистского гуманизма стоит особняком, у крайней черты, отделяющей ренессансное умонастроение от неренессансного, а в последние годы жизни он кое-где эту черту, возможно, и переступает. Никто из гуманистов за два столетия не был в большей степени, чем он, склонен к мистической экзальтации, никто более ревностно не предавался изучению средневековой мыслительной традиции, никто более напряженно не старался приблизиться к христианскому идеалу, как он его понимал. Но притом Пико пронес через контрастные, драматически сменявшиеся этапы краткого (восьмилетнего) творческого пути, через удивительную пестроту испытанных им духовных влияний и большей частью незаконченных замыслов две сквозные, центральные идеи: 1) плюрализма (в конечном счете, единой) истины, или же «примирения философов» (*philosophorum*); 2) «достоинства человека» (*dignitas hominis*)⁴.

И это характерно ренессансные идеи! А самым важным результатом заключительного этапа, отмеченного сближением с Савонаролой и мрачноватым тоном покаяния, явился все-таки трактат, который принято непременно называть, когда заходит речь о генезисе натурфилософии XVI в. и новоевропейского научного мышления («Против предсказующей астрологии», 1494 г.)

Если оригинальный и смелый ренессансный ум захвачен религиозными интересами в такой «нетипичной» мере, как ум Джованни Пико, не обозначаются ли резче и пределы, поставленные Ренессансу его средневековым происхождением, и пределы, поставленные средневековому христианству его ренессансной метаморфозой? В XV в. самое резкое столкновение итальянского философа с церковью (без политической подкладки) – это эпизод с осуждением «Тезисов» Пико делла Мирандолы. В марте 1487 г. папская комиссия осудила 13 из этих тезисов, сочтя, что они «могут быть истолкованы дурно». В целом Пико было поставлено в вину «повторение заблуждений языческих философов», увлечение иудейской Каббалой и нанесение ущерба католическим «канонам и доктринам» «под неким прикрытием натуральной философии»⁵.

Среди конкретных положений Пико, признанных «еретическими» и «скандальными», особенно интересны следующие: смертный грех, совершенный в конечном времени, не может быть наказан вечной мукой (нечто подобное утверждал в письме к Пико и Каллимах⁶); чудеса Христа доказывают его божественность не сами по себе, а лишь по способу, которым они содеяны (т.е. бывают и чудеса естественные, творимые натуральной магией); лучшими доказательствами божественности Христа располагают магия и Каббала; никто не верит в истинность чего-либо только потому, что хотел бы поверить⁷.

31 марта Пико подписал отречение, но вскоре – хотя в преамбуле «Conclusiones» писал, что заранее подчиняется решению курии – сел за сочинение пространной «Апологии», в которой обосновывал правильность

¹ Ariosto L. *Orlando furioso*, 1, 22.

² Ibid.

³ См.: Dupront A. *Espace et humanisme*. Paris, 1946, p. 53–54.

⁴ Kristeller P. "Giovanni Pico della Mirandola and his Sources." *L'Opera e il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nella storia dell'umanesimo*. Firenze, 1965, vol. 1, p. 40, 67.

⁵ Rocca P. *Giovanni Pico della Mirandola nei suoi rapporti di amicizia con Gerolamo Savonarola*. Ferrara, 1964. Известно, что влиянию проповеди Савонаролы поддался и Полициано, и другие флорентийские гуманисты. То был первый серьезный кризис ренессансного мироотношения, показавший, по какому тонкому льду ступали гуманисты.

⁶ Филиппо Буонакорси, прозванный Филипп Каллимах (Filippo Buonaccorsi, Filip Callimachus; лат. Philippus Callimachus Experiens; 1437–1496) – итальянский дипломат и публицист. (*Прим. ред.*)

⁷ Rocca P. *Op. cit.*

каждого из 13-ти тезисов и «свободу веры» (*libertas credendi*): «Не ошибка ... ума делает человека еретиком, для этого потребны злокозненность и заpiresательство»¹.

6 июня Иннокентий VIII назначил новое дознание, 31 июля Пико снова поклялся не переиздавать и не защищать «Тезисы», а 9 августа папа подписал бреве, в котором, хотя и признавалось, что среди положений Пико есть «католические и истинные», но, «ввиду смешения» с еретическими, присуждалось к сожжению в трехдневный срок все «Тезисы» чохом.

Под страхом отлучения запрещалось их читать, переписывать, передавать или читать другим. Папское бреве было обнародовано не сразу, Пико узнал о нем лишь в январе 1488 г., по дороге во Францию.

Он был задержан близ Лиона по требованию папского нунция, просидел два месяца под арестом и был выпущен в марте после вмешательства Лоренцо Медичи, а также Лодовико Моро², Гонзага³, всех крупнейших итальянских государей.

Отношения Джованни Пико с римской курией не наладились и позже. На нем по-прежнему тяготело обвинение в ослушании, а «Гептаплус», опубликованный в 1489 г., вызвал новые нарекания.

Пико вряд ли был вполне искренен, когда возражал, что материя «Гептаплуса» отстоит от «Тезисов» «как небо от земли». Здесь не место разбирать теологию и антропологию Пико, но, бесспорно, ни интерес Пико к «натуральной магии», герметизму и Каббале, ни его склонность к «негативной теологии» и к пантеизму (не доведенному, впрочем, до конца), ни обоготворение человека в рамки средневекового католицизма и вообще реально-исторического христианства не укладывались. Пико делла Мирандола вводил христианскую позицию в сложную амальгаму и сознательно смешивал с позициями, совершенно чуждыми ей по происхождению и окраске, ярко демонстрируя чисто ренессансный способ обращения с духовным материалом. Но именно этот стиль мышления объясняет, как столь неортодоксальный и независимый ум мог посреди самых экстравагантных увлечений и мучительных поисков сохранять горячую веру, «соединяя образованность с благочестием»⁴.

Он был христианином, «хотя это христианство без ритуала и внешней стороны», к которым он, по свидетельству племянника Джанфранческо, не питал особого почтения («*exterioris latrae cultus, pop multum diligens erat*»)⁵.

Очевидно, давнее стремление к интериоризации и углублению религии, а также огромная, экстаичная впечатлительность облегчили сближение Пико с Савонаролой. Правда, сближение это, на первых порах очень тесное, никогда не было полным, и фанатически ригористичный монах вынужден был с разочарованием обнаружить, что его ученый друг, которого он ставил выше блаженного Августина, не в силах расстаться с независимостью поведения, светскими привычками и терпимостью⁶.

И все-таки некоторый отход Пико в последние два-три года жизни от ренессансного умонастроения кажется несомненным. Продолжалась дружба с гуманистами, особенно с Полициано; главное же, в трактате об астрологии виден не отказ от идей 1486–1492 гг., а скорее, их развитие; но в «Руководящих правилах», отчасти и «Комментарии к XV Псалму», во многих письмах разрастается тоскливая молитвенность, звучит отречение от мира, преобладающий тон не имеет ничего общего с гуманизмом. Только в числе двенадцати видов «оружия», которое человек должен хранить в памяти наготове против греховных искушений («Наслаждение кратко и скудно»; «Жизнь – сон и тень»; «Смерть неотступна и внезапна» и т.п.) вдруг значится: «Достоинство и природа человека»⁷.

Только с необыкновенным подъемом Пико вдруг пишет о воскрешении за гробом не только души, но и тела, в соответствии со стихом псалма: «Сердце мое весело, и плоть моя возвысилась в Боге живом». И еще: «Сердце мое весело, и плоть моя почивает в уповании». Христос был первым, чье тело не подверглось гниению в могиле и воскресло нетленным. Неправы те, кто хочет служить Господу только разумом, «чувственность же и плоть презирают, ведь человек совершенен, ибо не только душа его, но и плоть вознесутся к Богу». Итак, Христос «ведет нас к вечной жизни души и тела.»⁸.

Джироламо Савонарола (Girolamo Savonarola; 1452–1498), итальянский доминиканский священник, христианский мыслитель, религиозный и социальный деятель, проповедник, поэт, диктатор Флоренции с 1494 по 1498. Портрет кисти Фра Бартоломео, ок. 1498. Фрагмент

¹ См.: Росса Р. *Op. cit.*, p. 222–223. Помимо нежелания Пико, вопреки угрозам Савонаролы, расстаться с любовницей, постричься в монахи и т.д., наиболее существенно, конечно, сохранение философом в «*Disputationes*», пусть с иными акцентами, основных прежних идейных установок.

² Лодовико Мария Сфорца, Лодовико Моро (Ludovico Sforza, Lodovico il Moro, 1452–1508) – герцог Милана. (Прим. ред.)

³ Франческо II Гонзага (Francesco II Gonzaga; 1466–1519) – маркиз Мантуи. (Прим. ред.)

⁴ Garin E. *Giovanni Pico...*, p. 34.

⁵ Для характеристики психологической обстановки любопытен тон письма, отправленного Лоренцо Медичи флорентийскому послу в Риме: «Многие ученые и духовные лица, люди доброй репутации и святой жизни, читали этот труд («Гептаплус»), весьма его одобрили и сочли христианским и вещью удивительной. Да и я, впрочем, не столь уж дурной христианин, чтобы смолчать или поддержать его, будучи иного мнения <... > бедняга зависит от суждения невежд и интриганов, которые используют папу как прикрытие» (цит. по: Garin E. «*Introduzione.*» *Pico... De hominis...*, app. 5, pp. 76–79). Иннокентий VIII передал через посла Лафредини резко отрицательный ответ.

⁶ «*Videbis apud me nihil esse prius quam ut pietatem cum sapientia coniungam*» (из письма Пико к кармелиту Батиста дельи Спаньоли (*Opera...*, p. 375).

⁷ Garin E. *Giovanni Pico...*, p. 48.

⁸ Pico della Mirandola G. *Opera*, pp. 333–334 («*Regulae dirigentes*»); pp. 337–338 («*In psalmum XV commentarius*»).

Джованни Пико делла Мирандола.
Медаль работы Никколо Фиорентино,
ок. 1495

Для Пико здесь нет противоречия с лейтмотивом последних лет о тщете и ничтожности земного существования («*terrena haec caduca, incerta, vilia, et cum brutis quoque nobis communis*»)¹.

Ведь плоть составляет условие человеческого совершенства только в перспективе потустороннего блаженства: «Помни, что Сын Божий умер за тебя и что скоро ты сам умрешь. Этими двумя шпорами, любовью и страхом, прищепи коня на кратком пути сей преходящей жизни к награде вечного блаженства»².

Все-таки это возвышенное блаженство, для которого нужен непременно весь человек, с земной его плотью, заставляет вспомнить о гуманистическом рае Лоренцо Валлы или Манетти³. В дни, когда по Флоренции ходили процессии савонароловских «плакс» и в костер летели холсты и рукописи друзей Пико делла Мирандола по медицинскому окружению, когда он или такой человек, как Боттичелли, еще недавно воплощавшие «золотой век» платоновской Академии, дрогнули, когда за несколько десятилетий до гибели ренессансной культуры, посреди ее наибольшего расцвета, раздался первый пророческий удар погребального колокола, — Джованни Пико был не в силах непоправимо нарушить гармонию земного и небесного. Он завещал похоронить себя в монастыре Сан Марко, и Савонарола собственноручно облачил умирающего в одеяние доминиканца. Однако при жизни, несмотря на все настояния Савонаролы, Джованни Пико сделать это с собой не позволил...

ЛИТЕРАТУРА

1. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: Изд. РГГУ, 1995.
2. Баткин Л.М. Личность и страсти Жан-Жака Руссо. М.: Изд. РГГУ, 2012.
3. Voccaccio G. *Genealogia de gli Dei*. Venezia, 1585
4. Castiglione B. *Il cortegiano*. Torino, 1955
5. Dupront A. *Espace et humanisme*. Paris, 1946.
6. Ficino M. *Della religione Christiana*. Fiorenza, 1568
7. Garin E. "Introduzione." In Pico della Mirandola G. *De hominis dignitatis. Heptaplus. De Ente et Uno*. A cura di E. Garin. Firenze, 1942. app. 5, pp. 76–79.
8. Garin E. *L'umanesimo italiano*. Bari, 1962.
9. Kristeller P. "Giovanni Pico della Mirandola and his Sources." *L'Opera e il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nella storia dell'umanesimo*. Firenze, 1965, vol. 1.
10. Mannerjahn E. Giovanni Pico della Mirandola: Ein Beitrag zur philosophischen Theologie des italienischen Humanismus. Wiesbaden, 1960.
11. Pico della Mirandola G. *De hominis dignitatis. Heptaplus. De Ente et Uno*. A cura di E. Garin. Firenze, 1942.
12. Pico della Mirandola G. *Opera omnia*. Basiliae, 1557
13. Poliziano A. *Opera*. Basiliae, 1553.
14. *Prosatori latini del Quattrocento*. A cura di E. Garin. Milano – Napoli, 1952.
15. Rocca P. Giovanni Pico della Mirandola nei suoi rapporti di amicizia con Gerolamo Savonarola. Ferrara, 1964.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Баткин, Л. М. «...чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочитаешь»: о Пико делла Мирандола / Л.М. Баткин // Пространство и Время. — 2013. — № 4(14). — С. 13—20.

¹ Из письма к племяннику к племяннику Gianfrancesco 15 мая 1492 года (*Prosatori latini...*, p. 824).

² *Prosatori latini...*, p. 832. Ср. со сходными выводами в исследовании Э. Моннерйана: «Христианство, которого держался Пико, было не догматическим и не сакраментальным. Автор справедливо полагает, что Пико вступил в конфликт с церковным учением особенно из-за своих антропологических идей (божественной свободы и открытости человеческого становления), а также потому, что его теология впадает в релятивистское понимание христианства (Mannerjahn E. *Giovanni Pico della Mirandola: Ein Beitrag zur philosophischen Theologie des italienischen Humanismus*. Wiesbaden, 1960, S. 191).

³ Джаноццо Манетти (Giannozzo Manetti, 1396–1459) – флорентийский гуманист, государственный деятель и оратор, принадлежал к направлению гражданского гуманизма, отстаивая идеалы активной жизни в обществе, значение гражданских добродетелей, которые понимал в духе Аристотеля. (Прим. ред.).